

АРЧАКОВ В. Ю., ПУНЧЕНКО В. Н., РЕМЕНЧИК В. Е.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ

Внедрение в широкий обиход термина «гибридная война» еще раз подтверждает, что на нынешнем этапе развития цивилизации мировыми центрами силы – США, НАТО, ЕС, КНР и другими в борьбе за региональное и мировое доминирование используются качественно новые методы достижения своих геополитических целей. Война с применением обычных вооружений и регулярных воинских формирований перестала быть единственным, а тем более оптимальным способом достижения превосходства. На смену крупномасштабным вооруженным столкновениям приходит согласованное применение военных, политических, экономических, информационных и иных средств.

Это постепенное изменение подходов к организации и ведению геополитического противостояния обусловлено, во-первых, достаточно развитой системой международного права, позволяющей даже слабым государствам в случае военной агрессии против них быть услышанными и защищенными – или противостоящими друг другу центрами силы, или хотя бы глобальным общественным мнением. Как известно, в международном праве действует принцип, согласно которому «право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным» (преамбула Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неиз-

бирательное действие, 1981 г.). Уже первые международно-правовые акты о правилах ведения войны содержали такого рода формулировки: «... потребности войны должны остановиться перед требованием человеколюбия»; «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю»; «воспрещается... употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинить излишние страдания» и т. п. Современное международное право, запрещая применение силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и, вместе с тем, учитывая реально происходящие или потенциальные вооруженные конфликты, предусматривает правила войны и защиты мирного (гражданского) населения с целью максимально возможной гуманизации применяемых методов и средств¹. Во-вторых, доминированием в мировых элитах так называемого «рационального экономического мышления», не предполагающего полного разрушения высокодоходных кластеров экономики и массовой гибели людей. В-третьих, кардинальным повышением роли информатизации, которая многократно усиливает возможность воздействия на широкие массы населения и позволяет трансформировать военно-политические конфликты в общественно-политическую и социальную плоскость. Исследованию именно этого фактора будет посвящено основное внимание в данной статье.

¹ <http://www.be5.biz/pravo/m008/119.htm>

Оглядываясь для начала в недавнее прошлое, термин «гибридная война» появился в конце XX века в США. Авторство термина неперсонифицировано, однако отдельные исследователи утверждают, что стратегия «гибридных» войн разрабатывалась на Западе в течение ряда лет, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Первое упоминание в открытых источниках относится к концу XX века. Изначально термин «гибридная война» (*hybrid warfare*) был использован в США для описания военной стратегии, объединяющей в себе обычную войну, малую войну и кибервойну². Данный термин обозначал использование в ходе войны против какого-либо государства как традиционных способов (участие воинских подразделений), так и нетрадиционных³ – политического и экономического давления, ведения информационной войны, подрывной деятельности спецслужб, финансирования оппозиции, сепаратистов и террористических сил на территории государства-неприятеля⁴. В Европе термин «гибридность» использовался преимущественно при рассмотрении способов ведения военных операций. На **стратегическом уровне** под «гибридной войной» понималось сочетание военных и невоенных средств, **на оперативном** – маневрирование воинскими подразделениями и их концентрация на определенных участках боевых действий, **на тактическом** – использование армейскими подразделениями приемов партизанской войны.

В период, предшествующий появлению в широком обиходе термина «гибридная война», довольно активное распространение получили **схожие по содержанию понятия** – «неявные военные действия», «нелинейные», «нетрадиционные», «асимметричные» операции⁵ и тому

подобное. Во всяком случае, сочетание военных и невоенных методов для решения задач глобального противостояния неизбежно находило отражение в концептуальных и руководящих актах ведущих западных стран.

Словосочетание «гибридная война» прочно **закрепилось в международном лексиконе** с 2014 года. По мнению российского Института политического и военного анализа, эта формулировка носила откровенно пропагандистский характер с явно отрицательной коннотацией и, возможно, добавить, со вполне понятным намеком на неизбежную международную реакцию в отношении этих действий как на вооруженную агрессию.

В тот же период появились и производные «клеящие» термины «**гибридная операция**»⁶, «**гибридные угрозы**»⁷, масштабирующие «гибридную войну» по степени задействования соответствующих приемов, сил и средств.

По мнению экспертных кругов, в том числе белорусских и российских, **наиболее полное определение «гибридной войны»** дано в ежегодном издании Лондонского Международного института стратегических исследований «Military Balance 2015» и звучит как «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением»⁸.

² Бузин Н. Е. «Гибридная» война: новый феномен военной науки или очередной информационно-политический фантом // Наука и военная безопасность. 2015. № 3. С. 2-6

³ Белая книга Командования специальных операций сухопутных войск США Противодействие нетрадиционной войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dtic.mil/doctrine/concepts/joint.../joc_iw_v2.pdf. – Дата доступа: 09.12.2015.

⁴ Классическими примерами гибридных военных действий в конце XX — начале XXI веков называют войны в Афганистане (действия СССР в начальный период афганской войны (1979—1989), а также действия США по поддержке моджахедов и в ходе вооруженной борьбы против Талибана) (см. напр. <http://voprosik.net/gibridnyevojny-zarada/>).

⁵ Зась, С. В. Некоторые принципы асимметричной войны / С. В. Зась // Наука и военная безопасность. –

2005. – N1. – С. 7-11.

⁶ В 2015 году в итоговой декларации военного комитета НАТО «гибридными операциями» названы согласованные по целям, задачам, месту и времени мероприятия и акции, направленные на оказание требуемого воздействия на страну, осуществляемые без прямого и явного использования силовых структур государства-агрессора.

⁷ Термин «гибридные угрозы» появился в официальной терминологии Евросоюза как совокупность мер принуждения, действий по подрыву стабильности и конституционного строя, методов традиционного и нетрадиционного воздействия (в том числе дипломатических, военных, экономических, технологических, информационных), которые могут быть использованы под общей координацией государства либо негосударственного образования без официального объявления войны (там же).

⁸ The Military Balance 2015. By the International Institute for Strategic Studies. P. 5-6 // <http://dx.doi.org/10.1080/04597222.2015.996334>.

Между тем, в определение «гибридные» Западом по-прежнему **закладывается заведомо негативный смысл**. Предполагается, что подобные действия носят безнравственный, противозаконный, вероломный характер, присущи исключительно «недемократичным режимам» и не соотносимы с действиями «нормальных» стран. С учетом этого представляется, что ярлык «гибридное» позволяет Западу моментально и без излишних формальностей квалифицировать какие-либо действия иных центров силы как заведомо неприемлемые и одновременно оправдывать или даже облагораживать собственную агрессивную политику, выставляя ее сугубо в оборонительном виде.

Также представляется, что «гибридная война» – это **не только смесь всевозможных форм и методов** воздействия на какое-либо государство – ведь они могут выборочно применяться в той или иной степени и без прицела на полное подавление (подрыв, разложение, ликвидацию) другой стороны, как это зачастую и происходит в конкурентном и неоднородном мире. Однако это и «гибрид» войны и мира⁹, то есть такое состояние межгосударственных отношений, когда речь о мире уже не идет, но война в прямом смысле этого слова еще не началась («полувойна-полумир»). Если опереться на более привычные понятия, то в классическом понимании – это в своем роде предвоенный период, в течение которого во все времена для страны-агрессора присущи крайние политические выпады, приемы экономического удушения, наращивание подрывной работы спецслужб, информационно-психологическая обработка населения и активизация сочувствующих сил в стане противника. Все это принципиально не ново, однако отличие «гибридной войны» заключается в первоочередной подготовке «взрыва» защищаемой страны изнутри, отсутствии необходимости захватывать территорию и качественно новой возможности обеспечить масштаб, глубину и скорость воздействия на противника именно **через информационно-технологический компонент**.

Характерно, что большинство **тактических**

⁹ Сегодня в основу военных доктрин все большего числа стран мира положены идеи польского мыслителя Ст.Лема о «незаметной и неотличимой от мира войне», а также взгляды Е.Месснера о мятеже-войне и М. ван Кревельда о трансформации войны (см. Равков, А.А. Документ мира и безопасности. О новой Военной доктрине Республики Беларусь / А.А. Равков // Беларуская думка. – 2016. – №8. - С 3-10).

приемов «гибридных войн», то есть поведение и действия государств по наращиванию остроты обстановки внутри и вокруг страны-объекта воздействия, по сути представляют собой взаимосвязанные информационные действия и информационно-психологическое воздействие, например:

- политическое давление в двух- и многосторонних отношениях, осложнение отношений с международными организациями, принятие обвинительных резолюций;
- активная информационная, финансовая и организационная поддержка оппозиции, националистов, сепаратистов и радикализация ими внутренних политических претензий и требований к власти, содействие формированию параллельных и альтернативных органов «самоуправления» и признание альтернативного «прогрессивного» лидера, развитие сети НГО;
- инспирирование массовых акций протеста и быстрая мобилизация социальных групп для активного в них участия;
- целенаправленное массированное информационно-психологическое воздействие на все слои населения, дезинформация, деморализация национальных элит¹⁰, коррупционные «разоблачения», создание негативного имиджа действующей власти в глобальном общественном мнении, дискредитация государственных СМИ, а также всей политической, правоохранительной, судебной системы государства, организация больших масс людей, как правило – молодежной аудитории соцсетей, героизация «лидеров перемен» и «жертв произвола властей», требования о люстрации, реприватизации, уголовном преследовании известных политических фигур¹¹;

¹⁰ Американский исследователь югославских событий М.Паретти весьма точно сформулировал принцип гибридной политики США и НАТО: Обвиняй лидера в геноциде, бомби людей» (см. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / Пер. с англ. А.Верченкова; пер. с исп. Т.Владимирской. – М.: Кучково поле, 2014. – С.67).

¹¹ В этом смысле показательным является пример свергнутого в 2011 году египетского президента Х.Мубарака, который в течение шести последующих лет ожидал рассмотрения предъявленных ему обвинений в гибели людей в ходе массовых беспорядков, находясь сначала в тюрьме, затем под домашним арестом, пока не был полностью оправдан в марте 2017 года. Уголовное пресле-

- ухудшение функционирования и выведение из строя информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- искусственное обострение межнациональных и межрелигиозных противоречий;
- обострение темы «политзаключенных», требование пересмотра приговоров и массовых амнистий;
- устрашение общественного мнения демонстрацией военной силы¹² непосредственно у границ государства¹³;

Причем важно, что военный конфликт может возникнуть и завершиться на любой из стадий «гибридной войны» или не возникнуть вообще, однако информационный фактор неизбежно задействуется на всем ее протяжении. С учетом же того, что начало «гибридной войны» вообще не имеет какого-либо четкого фиксированного начала, этот фактор перекрывает и период ее подготовки.

Надо сказать, что **задолго до появления термина «гибридная война»**, еще до современного этапа реформирования характера и содержания войн и конфликтов информационный фактор доказал свою состоятельность как один из решающих средств обеспечения превосходства над противником. Приемы устрашения, дезинформации, отвлечения и тому подобное известны с древних времен и, безусловно, совершенствовались, хотя и не меняли своей сути.

В прошлом столетии перед **Второй мировой войной** гитлеровской пропагандистской машиной нагнеталась информация о том, как великолепно воюют немецкие летчики, внушался страх перед бомбами, а съемки бомбежек испанской Герники были распространены по всей Европе. В торжество немецкой силы превратилась Мюнхенская Олимпиада. Могущество немецкой нации продемонстрировано в разошедшемся фильме Л. Рифеншталь «Триумф воли» о съезде национал-социалистской молодежи. Уже с началом

дование некогда сильного египетского лидера позволило полностью его дискредитировать и лишить каких-либо политических перспектив.

¹² Матрашило, И.Ф. Роль и место демонстрации военной силы в системе обеспечения военной безопасности государства / И.Ф.Матрашило // Наука и военная безопасность. – 2007. – № 4. – С 2-5.

¹³ Белорусский военный эксперт И.Ф. Матрашило в числе наиболее эффективных форм демонстрации военной силы называет проведение учений и военных маневров, присутствие сил флота в определенных морских и океанских зонах, выполнение полетов стратегической авиации в отдаленных районах и т.п.

войны кино съемки бомбежек Варшавы появились в Англии, Франции, Голландии, Дании и других странах. Повсеместно муссировались страхи по поводу вездесущих немецких парашютистов, шпионов, диверсантов, а люди стали бояться неких «лучей смерти», отравленной воды, отравленного шоколада. Везде распространялись слухи о том, что предатели «засели» в верхах власти, а голландское общество вообще было уверено, что их страну предало собственное военное руководство. Это во многом объясняет, почему Европа, всего лишь двадцать лет назад победившая Германию, оказалась поработанной ею без особо кровопролитных военных кампаний менее чем за два года. И если Первая мировая война была в основном чисто «военной» и в ней победу одерживали винтовки, то в этой войне Европа оказалась завоеванной в большей степени с помощью радио и газет. И наоборот, совсем по-другому дело обстояло с СССР, где немецкой пропаганде не дали развернуться ни в 30-е, ни в 40-е годы¹⁴.

Затем наибольших успехов в деле информационного воздействия и пропаганды добились США. В 1956 году, во время **корейской кампании** управление психологической войны американских вооруженных сил было преобразовано в управление специальных методов войны, а специальные подразделения информационной войны вошли в состав сил специальных операций. Разработанная в США концепция информационной войны прошла обкатку во **Вьетнаме**. При подготовке психологических операций американцы учитывали менталитет вьетнамских партизан¹⁵. В пропаганде упор делался не на политику, а на социальные и психологические аспекты. Так, с целью морального истощения скрывающихся в джунглях вьетконговцев организовывалось непрерывное вещание с вертолетов, при этом применялись методы эмоционального воздействия: трансляция женского и детского плача, воплей ужаса, буддийской погребальной музыки и тому подобные звуковые эффекты. Радиопропаганда велась на вьетнамском языке с территории Тайланда, Тайваня, Филиппин и Австралии и охватывала 95 процентов населения страны.

Говоря о югославском опыте «гибридной

¹⁴ Матвейчев, О.А. Информационные войны ХII века. «Мягкая сила» против атомной бомбы / О.А. Матвейчев. – Москва: Книжный мир, 2016. – 352с.

¹⁵ Источник: <http://www.modernarmy.ru/article/282/informacionnaya-voina> // Портал «Современная армия»

войны», ее ключевым этапом стала военно-информационная операция против Сербии¹⁶ «Союзная сила»¹⁷ (1999 год), заблаговременная подготовка к которой осуществлялась на протяжении 90-х гг. XX века. Основными субъектами информационного воздействия тогда стали государственный департамент, Информационное агентство США со своими подразделениями (международные спутниковые телесети, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа»), ЦРУ, специалисты-психологи из Пентагона, а также натовские структуры. Ведущие мировые СМИ – телевидение, радио, пресса постепенно готовили международную, в том числе американскую, общественность к «неизбежности» данной операции, измышляя любые предлоги для оправдания будущего нападения на независимое европейское государство. Задолго до вторжения американскую общественность буквально закармливали историями, демонизирующими сербский народ и его лидеров. С. Милошевич представлялся «кровавым тираном» и «сербским националистом», несмотря на его приверженность к многонациональному единству Югославии. Еще в 1992 году американский журналист П. Брок обработал полторы тысячи статей из газет и журналов, опубликованных различными западными агентствами новостей, и пришел к выводу, что соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1.

Российский военный эксперт А. Я. Маначинский обращает внимание на особую роль в пропагандистской кампании против Сербии действующих на югославской территории подконтрольных США организаций, специализирующихся на «связях с общественностью». В качестве примера он приводит «Ruder Finn Global Public Affairs», являющуюся официальным агентом правительства самопровозглашенной «Республики Косово». В одном из интервью президент структуры Дж. Харф признался, что в

¹⁶ Именно сербы представляли самое большое препятствие на пути развала Югославии. Они являлись самой многочисленной и монолитной группой в федерации.

¹⁷ Операция «Союзная сила» (англ. Operation Allied Force) — военная операция (некоторыми экспертами квалифицируется как агрессия) блока НАТО против Союзной Республики Югославия в период с 24 марта по 10 июня 1999 года, приведшая к выводу югославских войск с территории края Косово и Метохия и к переходу края под контроль сил НАТО.

задачи его фирмы входило продвижение негативного образа сербов в мире¹⁸, внедрение в общественное сознание штампов, ассоциируемых с германскими нацистами – «концлагерь», «геноцид», «массовые изнасилования».

При подготовке войны отработывалась тактика массового зомбирования югославского населения. В ходе мероприятий сил психологических операций вооруженных сил США над Югославией было сброшено 22 млн. листовок с призывами к сербам выступить против президента С. Милошевича. Население Америки, Европы, а по большому счету и всего мирового сообщества обрабатывалось с использованием стандартного медийного принципа KISS (Keep it Simple, Stupid – как можно проще и глупее), одним из безотказных приемов которого стало использование так называемых «объективных цифр» и «документальных данных». К примеру, один из аналитиков CNN заявил о будто бы использовании 700 албанских детей для создания банка крови, предназначенного для сербских солдат. Под запоминающейся мантрой «этнические чистки» сообщалось об актах вандализма в Сараево, найденных в районе косовского города Ораховац телах «567 косовских албанцев, убитых сербскими военными, и среди них — тела 420 детей», и т.п. Поводом для бомбежек Сербии в 1999 году стала всемирно известная инсценировка массовой резни в косовском селе Рачек, хотя на самом деле в деревню были свезены и положены на дороге переодетые трупы албанских боевиков. Сюжеты сопровождалось подробным описанием «зверств режима» С. Милошевича и их главных «зачинщиков» – сербов. Как отмечает американский исследователь югославских событий М. Паренти, не было предоставлено никаких доказательств или свидетельских показаний, подтверждающих подобные обвинения. Впоследствии, когда цель «гибридной войны» была достигнута, многие высокопоставленные американские чиновники уже не опровергали тезис о фальсификации демонстрировавшихся на весь мир «фактов»¹⁹.

¹⁸ Мы можем, – откровенно говорил Харф, – за несколько минут разослать четкую информацию, всем, кто, по нашим расчетам, отреагирует. Наше ремесло – посеять информацию, чтобы она как можно быстрее циркулировала, чтобы тезисы, благоприятные для нашего дела, были первыми, получившими наше распространение. Скорость – существенный фактор.

¹⁹ Так, в качестве примера «геноцида против албанского населения в Косово» активно использовалась яко-

Таким образом, в результате целенаправленного информационного воздействия американцам и их союзникам удалось создать в мире искусственную, дезинформационную, иллюзорную информационно-психологическую среду вокруг войны в Югославии. С началом военной агрессии в марте 1999 г. к информационной кампании непосредственно подключилось высшее руководство США. Тон этой кампании задал президент Б. Клинтон, который распространил с помощью СМИ воззвание о том, что бомбардировки суверенного государства не направлены против его народа. С. Милошевича он называл «новым Гитлером». Министр обороны США У. Коэн только за первый день выступил сразу в восьми телепрограммах. Обработкой общественного мнения активно занимались помощник президента по национальной безопасности С. Бергер, государственный секретарь М. Олбрайт и ее заместитель С. Тэлботт.

Составной частью информационной агрессии стало уничтожение теле- и радиочастот с целью обеспечения контроля над общественным мнением населения. После разрушения телецентров в Приштине, Белграде, Нови Саде и развертывания направленного интенсивного вещания на территорию Югославии радиостанций «Голос Америки», «Радио Свободная Европа», «Немецкая волна», «Радио США» и других местные жители вынужденно оказались в информационном поле СМИ только стран НАТО. Для полного овладения информационным пространством Югославии НАТО применяло апробированные ранее США в Ираке, Гренаде, Панаме способы, в том числе летающую теле- и радиостанцию «Commando Solo», действующую над сопредельными территориями, которая в нарушение норм международного права транслировала свои передачи на частотах, используемых сербским телевидением. Обывателю демонстрировались документальные фильмы о непобедимости НАТО и разрушенной Югославии, в том числе кадры с авиабомбами, на которых в канун православной Пасхи было написано «счастливой Пасхи» и «надеемся, что это вам понравится».

Впервые мощное информационное обеспечение операции «Союзная сила» было развернуто

бы планировавшаяся Белградом операция (под кодовым названием "Подкова") по выселению албанцев из Косово. Спустя год после акции НАТО бывший бригадный генерал бундесвера Х. Локуай признал: "такого плана никогда не существовало".

в Интернете. По оценкам специалистов, в сети было размещено более 300 тыс. сайтов, посвященных или в разной степени затрагивающих косовскую проблему и военную операцию НАТО в Югославии.

Наряду с информационно-психологическими методами довольно успешно применялись средства информационно-ударной операции, позволяющие добиться дезорганизации системы управления войсками и оружием объекта не только путем физического уничтожения, но и посредством воздействия на радиосвязь, радиолокацию, радиотелеуправление, радионавигацию, радиотелеметрию, оптико-электронную, гидроакустическую технику²⁰. Сюда относятся подавляющие и разрушающие радиоэлектронные, оптикоэлектронные, психотронные, программно-компьютерные и другие средства. Кроме того, станции голосовой дезинформации позволяли входить в радиосети объекта воздействия и смоделированным компьютерными средствами голосом командира подразделения (части) югославской армии отдавать приказы и распоряжения подчиненным им войскам, также нарушая процесс управления.

Закономерным итогом информационной и военной операции США и НАТО в Югославии стал запуск необратимых процессов распада страны, которые в своем апогее вылились в «бульдозерную революцию» 2000 года, завершившуюся приходом к власти СРЮ прозападных элит, а затем и окончательным разделением страны.

На первоначальном этапе **иракской войны** 2003 года главной проблемой США и Великобритании являлся поиск убедительных аргументов для морального оправдания военной операции. Потребовались гораздо более масштабные, чем в Югославии, усилия в плане психологической обработки мирового общественного мнения и предоставления реальных доказательств того, что режим С. Хусейна опасен для международного сообщества.

Для оправдания предполагаемой военной акции американские руководители весьма часто упоминали о так называемом «предупреждающем ударе». В частности, президент США Дж. Буш в своем выступлении перед выпускниками военной академии Вест-Пойнт в июле 2002 г. заявил: «Если мы будем ждать, пока угроза пол-

---

²⁰ И.Н. Воробьев Информационно-ударная операция Военная мысль № 6/2007, стр. 14-21

ностью материализуется, мы будем ждать очень долго». Расшифровывая мысль президента, его помощник по национальной безопасности К. Райс уточнила: «Это значит, что путем некоего упреждающего удара мы предотвратим готовящиеся против нас деструктивные акты».

В частности, Ирак обвинялся в возобновлении разработки оружия массового поражения и в сотрудничестве с международными террористическими организациями, прежде всего Аль-Каидой. Данные американской разведки говорили о прямо противоположном, но игнорировались высшим руководством²¹. Кульминацией подготовительной кампании стало выступление 5 февраля 2003 г. госсекретаря США К. Пауэлла на специальном заседании Совета Безопасности ООН, где были предоставлены «многочисленные доказательства» (знаменитая пробирка), им же впоследствии и опровергнутые²².

Наряду с классическими приемами дезинформации США осуществляли ряд организационных мероприятий, направленных на создание мощного и эффективного механизма информационного воздействия. В частности, осенью 2002 г. в госструктурах США были созданы немногочисленные (до 10 человек) координационные группы из специалистов в области информационно-телекоммуникационных технологий и психологов. Аналогичные формирования появились в крупных американских концернах (в частности, в штаб-квартирах Microsoft, IBM и других). Их задачей являлось обеспечение оперативной реакции бизнеса на текущие актуальные запросы военного и политического руководства США в кризисный период, а именно разработка специ-

ального программного обеспечения, подготовка публикаций и т.п. **В самостоятельную структуру было выделено подразделение наступательных информационных операций JTF-CNA (Joint Task Force for Computer Network Attack), несущее ответственность за разработку и проведение кибератак.** В феврале 2003 г. указом президента США воссоздано управление Пентагона, отвечающее за организацию и проведение информационно-пропагандистских мероприятий в период проведения антитеррористической кампании, включая агрессию против Ирака.

Существенная роль отводилась новому проекту по созданию альтернативной «Ближневосточной телевизионной сети» (MTN, Middle-East Television Network) и радиовещания. Отправной точкой стало создание радиостанции SAWA, основную аудиторию которой составила арабская молодежь в возрасте до 25 лет в странах Ближнего Востока (Амман, Иордания, Кувейт, ОАЭ, Катар, Египет, Ливан, Ирак). К примеру, проведенный опрос слушателей радиостанции в Иордании показал, что за счет своеобразия репертуара музыки и грамотной подачи новостей радиостанции удалось занять 35 процентов аудитории, в то время как ВВС в этой стране слушали только 5 процентов. Одновременно с помощью подразделений радиоэлектронной борьбы и ударов авиации крылатыми ракетами по государственным вещательным центрам подавлялись трансляции иракских радиостанций («Голос Багдада» и другие) и телевидения. Населению массово раздавались транзисторные приемники, специально изготовленные для работы на определенных частотах. Как и в Югославии, задействовалась летающая радиостанция «Commando Solo».

Широко использовалось устное вещание, в основном через передвижные звуковещательные станции, установленные на автомобилях. Активно проводилась видеопропаганда путем распространения видеокассет с пропагандистским содержанием. Печатная пропаганда велась преимущественно с помощью листовок – с истребителей-бомбардировщиков их было сброшено свыше 25 миллионов.

Основными объектами массированного психологического давления в первую очередь стала наиболее интеллектуальная и авторитетная часть иракского общества, так называемые ключевые коммуникаторы или лидеры мнений (чиновники, офицеры, научные работники, преподаватели в школах и вузах, священники и т.п.). Осуществлялась широкомасштабная адресная психоло-

²¹ Так, 18 сентября 2002 года директор ЦРУ Дж.Тенет сообщил Дж.Бушу, что, по информации из ближайшего окружения Хусейна, Ирак не располагал оружием массового поражения. Эта информация не была сообщена Конгрессу США и не обнародовалась. В начале 2002 года ЦРУ отправило бывшего американского посла в Нигере Джексона Уилсона расследовать информацию о предполагаемой закупке Ираком в этой стране урана. Проведя расследование, Уилсон сообщил, что не нашел никаких фактов, подтверждающих такую сделку. Несмотря на это, в своих выступлениях Буш неоднократно говорил о покупке Ираком урана в Нигерии (в частности, в ежегодном обращении к Конгрессу в январе 2003 года).

²² Цитата: «Когда я делал доклад в феврале 2003 года, то опирался на самую лучшую информацию, которую мне предоставило ЦРУ. ...К сожалению, со временем выяснилось, что источники были неточными и неверными, а в ряде случаев преднамеренно вводили в заблуждение. Я этим глубоко разочарован и сожалею об этом».

гическая операция против иракского военного руководства. Так, в течение нескольких дней по электронной почте активно рассылались послания на арабском языке с пометкой «важная информация», адресованные иракским генералам, военным командирам и представителям гражданских организаций с целью внести раскол в ряды иракского политического и военного руководства. Письма также призывали сообщить о местонахождении химического, биологического и ядерного оружия.

После свержения С. Хусейна широкое распространение в Ираке получили новые информационные технологии. Так, к январю 2004 г. только в Багдаде открылось 150 интернет-кафе, тогда как до этого времени существовало всего 57 интернет-центров. К августу 2004 г. интернет был доступен по всей стране, причем никаких ограничений и цензуры на посещение иракцами тех или иных сайтов не существовало, чем пользовались террористические организации. «Аль-Каида», например, успешно использовала Интернет для создания отрицательного имиджа США и для вербовки новых членов.

В целом, несмотря на предпринятые администрацией США масштабные меры по завоеванию информационного превосходства, иракское руководство, изучив опыт военных операций США в Сомали, Афганистане, Ливане, Вьетнаме, достаточно успешно противостояло информационной агрессии Вашингтона, а зачастую и активно контратаковало. Серьезным успехом иракских сил стало поддержание устойчивой связи военно-политического руководства страны с армейскими частями в условиях активного радиоэлектронного и огневого подавления систем управления со стороны противника. Удачно была организована связь и с мировой общественностью посредством регулярных пресс-конференций и относительно свободной работы журналистов в Ираке.

Пренебрежение американцев культурными и религиозными особенностями страны привело к недооценке ситуации и просчетам, которыми с успехом воспользовались иракские повстанцы. В частности, у американского командования практически отсутствовал какой-либо четкий план действий по заполнению информационного вакуума после свержения С. Хусейна. Наиболее показательным примером является ситуация со слухами. При С. Хусейне, когда практически отсутствовала свобода прессы, слухи являлись одним из основных источников информации для населения, и контролю над их распростра-

нением уделялось особое внимание со стороны правительства. Однако даже после смены власти и появления большого количества СМИ и Интернета значимость слухов для иракцев не уменьшилась. Если американская администрация в Ираке не обращала на них особого внимания, то повстанцы широко использовали слухи для создания отрицательного образа американских военнослужащих в глазах мирного населения провоцирования антиамериканских выступлений. В результате уровень доверия иракского населения к Соединенным Штатам опустился до крайне низкой отметки²³. Продемонстрированные западными СМИ кадры казни свергнутого президента С. Хусейна, вопреки ожиданиям США, произвели обратный эффект.

Еще одной серьезной неудачей американской временной администрации в Ираке стала ее политика в сфере информационных технологий – США не удалось не только продвинуть подконтрольные им СМИ, но и уменьшить влияние на иракцев так называемых «вредных» СМИ – «Аль-Джазире», «Аль-Арабии» и прочих. Как показало исследование госдепартамента США осенью 2003 г., 63 процента иракцев отдавали предпочтение этим двум телеканалам, в то время как американские программы смотрели лишь 12 процентов граждан.

Анализируя ход иракской кампании 2003 года, многие политические деятели за рубежом, равно как и в самих США, признают, что политика Америки в Ираке не достигла своей цели. Прогрыз США в информационной войне, безусловно, повлиял на тот факт, что американцы так и не получили ожидаемого контроля над нефтью Ирака, оставшейся его национальным достоянием. Это во многом стимулировало Штаты к развязыванию новых «гибридных войн», основным направлением которых стали страны Ближнего Востока и Магриба.

Под термином **«арабская весна»** закрепилась революционная волна демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире в конце 2010 года. Произошли революции в Тунисе и Египте, гражданская война и разгром власти в Ливии, гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене,

²³ Совещательный комитет по государственной политике США в арабских странах в своем докладе конгрессу осенью 2003 г. отмечал, что «в связи с неудачными действиями американской администрации в Ираке иракцы готовы поверить в самые худшие слухи и небылицы о намерениях США».

массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане. Менее значительные протесты охватили Кувейт, Ливан, Мавританию, Саудовскую Аравию, Судан и Западную Сахару.

В целом «арабская весна» – это результат синтеза новейших медийных технологий с классическими средствами революций, насилием, а в Ливии и Сирии – с прямым иностранным вмешательством. Во всех элементах «гибридного» воздействия преобладали информационно-психологические методы воздействия на население. Характеризуя данные процессы, нередко применяют термины Twitter-революции²⁴, или Facebook-революции²⁵, отмечая исключительную роль Интернета в организации массовых протестов. Социальные медиа позволяли протестующим оперативно координировать свои действия, делиться новостями, подавая их в им выгодном свете, формировать общественное мнение как внутри страны и влиять на мнение международного сообщества. Массовые протесты распространялись мгновенно, моментально охватывали новые и новые страны.

Важно понимать, что осуществлялась заблаговременная подготовка информационной и политтехнологической инфраструктуры для управления якобы спонтанными событиями. Им предшествовала кропотливая и во многом скрытая подготовительная работа, хронология которой может быть представлена следующим образом:

2002–2009 гг. – реализация США проекта «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», объединяющего программы демократизации стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки²⁶. Координация осуществлялась Госдепартаментом США, региональный офис проекта создан в Тунисе;

2002–2004 гг. – создание под патронажем правительства США около десяти новых радиостанций и телеканалов, вещающих на регион;

2006–2010 гг. – реализация проектов, направленных на создание протестного движения в сети

Интернет и мобилизацию граждан в социальных сетях;

весной 2010 г. – обучение, организованное правительством США и NDI, «активистов» Алжира, Туниса, Ливии и Марокко использованию социальных сетей для распространения информации, петиций и воззваний;

декабрь 2010 г. – начало 2011 г. – апробирование возможностей социальных сетей по созданию «эффекта мультипликатора (увеличение численности от акции к акции).

Первым «стартовал» **Тунис**, где в организации якобы стихийных волнений активно задействовался Facebook, предусматривающий создание онлайн-мероприятия с точным указанием времени и места. Так, 12 января 2011 г. на улицы вышло около 30 тыс. людей, что вылилось в крупнейшую демонстрацию Тунисской революции. В ходе организованных в январе 2011 г. массовых флэш-мобов через социальные сети распространялась информация, направленная против официальных властей, которые «после неудачных попыток подавить массовые выступления сдали свои позиции и уступили свои полномочия переходному правительству». Это способствовало поднятию «боевого духа» революционеров и деморализации сторонников властей. Смена правительства в феврале 2011 г. практически мгновенно привела к затуханию революции в Тунисе и, соответственно, интереса мировых СМИ и интернет-сетей к этой стране.

В **Египте** значение сервиса Twitter и социальной сети Facebook проявилось особенно четко – они фактически организовали и возглавили протесты, в то время как какого-либо персонафицированного руководства у протестантов не было²⁷. «Стихийно» начали появляться протестные группы в сети, и также спонтанно была названа дата «дня гнева» (массовая демонстрация на столичной площади Тахрир) – 25 января. Сгенерированный социальными сетями эффект мобилизации был настолько силен, что отключение Интернета и мобильной связи властями после разгона многотысячной демонстрации в этот день никак не повлияло на эскалацию протестов по всей стране. На «марш миллионов» 1 февраля вышло около 200 тыс. демонстрантов, а на «день проводов» 4 февраля – уже миллион

²⁴ Термин введен в оборот ученым Стэнфордского университета Е.Морозовым после молдавских событий апреля 2009 года

²⁵ Общее число Facebook-пользователей в арабских странах на 5 апреля 2011 г. составляло 27 711 503 чел., тогда как на 5 января 2011 – 21 377 282, апрель 2010 г. – 14 791 972.

²⁶ Объектами «демократизации» определены: Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, ОАЭ, Палестинские Территории, Иран, Ирак и Ливия.

²⁷ Федяшин А. Twitter и Facebook как враги государства. Египет, Саудовская Аравия / А. Федяшин // РИА Новости. URL: http://ria.ru/arab_analytics/20110127/327057820.html

сторонников оппозиции, требующих отставки Мубарака, что и произошло в скором времени.

Немаловажным фактором «египетской революции» стала пассивность подавляющего большинства населения Египта, где количество пользователей Facebook на момент «революции» составляло всего 5,5 процентов населения. И именно руками активных пользователей сети фактически и были сделаны события «египетской весны» с молчаливого или безучастного согласия остального населения.

В Ливии и Сирии основную роль в эскалации событий сыграли электронные СМИ. Инцидентом, который спровоцировал ливийский «мятеж», стал арест адвоката-активиста 15 февраля 2011 г., что вызвало волну протестов в Интернете и СМИ. Большое количество сюжетов на видеохостинге Youtube и сообщений в Twitter оказались необыкновенно схожи и выглядели как очередной пропагандистский проект. Тем не менее, CNN, BBC, NBC, CBS, ABC, Канал «Fox News», и Аль-Джазира приняли эти анонимные и неподтвержденные видео как легитимные источники новостей.

В ливийских событиях телевидение продемонстрировало способность формировать искаженную картину не хуже Интернета. Главной информационной акцией во время штурма Триполи в августе-сентябре 2011 г. считается показ «Аль-Джазира» и CNN кадров «победы» повстанцев, снятых в Катаре. Эти кадры и послужили сигналом к атаке для мятежников и диверсантов. Сразу после этих передач по всему городу «спящие ячейки» повстанцев начали устанавливать блокпосты, врваться в командные пункты и квартиры офицеров, не предавших М. Каддафи. Освещение мировыми СМИ последующих событий – переход премьер-министра Ливии на сторону мятежников, «красное уведомление» Интерпола на розыск Каддафи, посещение страны главами государств Франции и Великобритании, предоставление Переходному национальному совету Ливии права представлять интересы страны в Генеральной ассамблее ООН, захват и зверское уничтожение М. Каддафи – осуществлялось в едином тенденциозном ключе, обеляющем очевидно преступные действия Запада.

Что касается **Сирии**, повышенная интернет-активность оппозиции была заметна более чем за полтора месяца до начала массовых протестов²⁸.

²⁸ Сирия готовится ко дню проведения массовых антиправительственных выступлений. URL: [http://](http://www.r-sbalt.ru/main/2011/01/31/814305.html)

К началу февраля 2011 г. на странице Facebook «Сирийская революция» побывало более 13 тыс. человек. Тогда была создана запись с призывом прийти к зданию парламента 4 февраля, чтобы выразить несогласие с авторитарным стилем руководства государством, коррупцией, потребовать отмены закона о чрезвычайном положении²⁹. В ноябре 2011 г. британо-американскими специалистами для координации действий сирийской оппозиции было запущено мобильное приложение Syria Alone, посредством которого публиковались специальные материалы, содействующие дестабилизации, давалась негативная оценка действиям сил правопорядка. Власти Сирии оперативно отреагировали на появление этого программного средства полным запретом на использование смартфонов iPhone. Начала действовать проправительственная онлайн-группа «Сирийская электронная армия», которая регулярно взламывала веб-сайты, микроблоги и сайты крупнейших СМИ, политических деятелей, а также американских госучреждений с целью публикации материалов в поддержку Б. Асада.

США, в свою очередь, активизировали действия по затруднению и блокированию сирийского телевизионного вещания на международную аудиторию³⁰. В противовес были развернуты мощные пропагандистские орудия в лице прозападных мировых электронных СМИ. Все многообразие телевизионных каналов концентрировало свое внимание на освещении искаженной картины происходящих в Сирии событий, показывая, что многочисленные «народные демонстранты» требуют смещения режима. Если даже в этих репортажах и была небольшая частичка истины, то она была преувеличена во много раз. Например, вместо реального десятка каких-либо демонстрантов они говорили о тыся-

www.r-sbalt.ru/main/2011/01/31/814305.html.

²⁹ Роль социальных сетей в организации арабской весны. URL: http://www.mem-id.ru/n-de/R-l_s-cialnyh_setej_v_organizacii_arabsk-j-vesny#cite_ref-D0.A1.D0.B8.D1.800_76-0.

³⁰ Нельзя не упомянуть пиратские нападения на электронную версию сирийского информационного агентства «САНА» со стороны США, а также запрет, который был введен на спутниковое вещание сирийского телевидения через спутники Арабсат и Найлсат в рамках введенных санкций против Сирии для того, чтобы скрыть от мировой общественности правду о происходящих событиях в Сирии и о ее противостоянии терроризму. Также местные телевизионные каналы неоднократно подвергались нападению, как это случилось с каналом «Аль Ахбария».

чах. Активно распространялась информация о «преступных деяниях», которые были сняты в других арабских странах и выданы за «действия режима» в Сирии. Нередко вооруженные бандиты снимали свои преступные действия и распространяли их в информационной сети³¹.

К настоящему времени, несмотря на успехи России в сирийском урегулировании, говорить о прекращении информационной войны пока рано. Согласно проведенному в 2017 году новосибирской компанией «Футуролаб» исследованию информационного пространства Сирии, на сегодняшний день в отношении данной страны ведутся три мощные информационные кампании: антиправительственная, антироссийская и антииранская. Кампании имеют единую цель склонить местное население к сопротивлению законному правительству САР и его союзникам. Информационные воздействия скоординированы с действиями проповедников радикального ислама и лидеров политической оппозиции.

Учитывая географическое, геополитическое и военно-стратегическое положение **Республики Беларусь**, а также особенности ее развития как сравнительно молодого суверенного государства, очевидно, что наша страна не застрахована от целенаправленного «гибридного», в первую очередь информационного воздействия.

На сегодняшний день в Беларуси **защищенность** от разного рода «гибридных угроз» формируется главным образом за счет сильной государственной власти, в первую очередь личного авторитета Президента страны, многовекторности внешней политики, боеспособных Вооруженных Сил, эффективной военной организации государства и стратегического военно-политического партнерства с Российской Федерацией. Формы и методы противодействия комплексным («гибридным») угрозам находятся в постоянном внимании государственных органов системы обеспечения национальной безопасности. В целом сформирована правовая и организационная основа системы мер по защите национальных интересов.

В частности, именно на **комплексном понимании** рисков, вызовов и угроз национальной

³¹ Так, в частности, это случилось с видеорепортажем, показывающим как один из террористов по имени Абу Саккар из т.н. «Свободной Армии» съел сердце убитого им сирийского солдата перед видеокамерой. Не говоря о многих других фактах, демонстрирующих сотни беспрецедентных преступлений, в том числе присутствие детей в зверских отрезаниях голов людей.

безопасности страны основана **Концепция национальной безопасности** Республики Беларусь³². Ключевые элементы безопасности информационной сферы отражены в ней наравне с вопросами политической, экономической, военной безопасности.

Формы и методы реагирования на «гибридные угрозы», а следовательно и угрозы в информационной сфере, также учтены в новой **Военной доктрине Республики Беларусь**³³, принятой в 2016 году.

В ходе **стратегических, межведомственных и иных учений и тренировок** регулярно отрабатываются практические приемы противодействия современным внешним вызовам и угрозам, предусматривающие наряду с традиционными методами отражения военных угроз комплекс не только антитеррористических, контрразведывательных, но и информационных мер. Эта практика закрепляется и в рамках совместных стратегических мероприятий Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таким образом, полагаем, что информационный фактор в «гибридной войне» представляет собой основное средство воздействия одного государства либо группы государств на конкретную страну, предпринимаемое ими для минимизации собственных военных, экономических и имиджевых потерь в ходе решения задач по изменению или корректировке ее внутренней и внешней политики. Он формируется внешними источниками угроз национальной безопасности в различных сферах и реализуется путем поражения и трансформации массового сознания населения всевозможными информационно-психологическими способами, нанесения вреда информационной инфраструктуре и обуславливает невыносимость существования общества в прежних правовых, институциональных и морально-нравственных границах, преодоление которых в форме социального «взрыва» и является одной из основных задач «гибридной войны».

Важно, что информационный фактор формируется **задолго до основных, «видимых»**

³² Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., N 575 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010 г. – N 276, – 1/12080.

³³ Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., N 412-3 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016 г. – N 2/2410

событий «гибридных» воздействий, выражающихся в нарастании кризисных процессов в политической, экономической, социальной сферах и перебоях функционирования всей государственной машины. Его формирование начинается с последовательного воздействия на общественное сознание и осуществляется в первую очередь через социальные сети и блогосферу, позволяющие моментально распространять анонимную информацию любого содержания.

Следовательно, если анализ состояния информационного пространства **обнаруживает признаки** целенаправленно оказываемого на него воздействия, в какой бы форме они не предпринимались и на какие объекты не воздействовали – будь то общественное мнение, информационные сети или ресурсы, – это должно восприниматься как весьма серьез-

ный сигнал перед несоизмеримо более масштабными проблемами и в информационной, и в иных сферах.

Напротив, если специально организованное воздействие на информационное пространство какой-либо страны **не выявляется и не улавливается**, это значит, что и на других направлениях осуществления ее жизнедеятельности можно более или менее спокойно заниматься вопросами развития, нежели только безопасности, понимая – чем динамичнее это развитие будет происходить, тем больше интеллектуальной и материальной «подпитки» станет возможно направлять и на проблемы обеспечения безопасности.

Исходя из этого, особая роль принадлежит именно **раннему обнаружению признаков** осуществления против государства информационных акций.

